

*Аналитические записки Института
международных исследований МГИМО*

ИРАНСКАЯ ЯДЕРНАЯ ПРОГРАММА: ВОЗМОЖНЫ ВАРИАНТЫ?

Мизин В. И.

Статья посвящена одной из наиболее актуальных тем современной мировой политики – проблеме ядерной программы Ирана. В ней отмечается фактический провал усилий международного сообщества по налаживанию полномасштабного и безупречного общения этой страны с МАГАТЭ и СБ ООН, неспособность «восьмерки» и специальной группы шести стран по иранской ядерной проблеме предложить адекватные рабочие схемы, которые устранили бы опасения среди экспертов и политиков в отношении возможного обхода иранской стороной системы гарантий МАГАТЭ и перехода в будущем к созданию собственного ядерного оружейного потенциала. В статье предлагается одна из возможных схем предотвращения такого развития событий – через создание на территории Ирана своего рода международного консорциума по реализации инициативы о международном ядерном топливном цикле. Это поставило бы полностью легитимную в принципе с точки зрения норм Договора о нераспространении ядерного оружия ядерную программу Тегерана под более плотный международный контроль и предотвратило появление государства с ракетно-ядерным потенциалом на южных рубежах России.

Иранская ядерная проблема не покидает страниц печати и дискурса политологов-международников. Ощутимого прогресса в ее решении пока что не наблюдается, несмотря на множество международных встреч (в том числе в рамках «шестерки» ведущих стран мира – неформального механизма взаимодействия по иранской проблематике, пытающегося ввести в отношении Ирана как бы особый международно-правовой режим со специфическими ограничениями на мирную ядерную деятельность)¹. Между тем, иранское руководство, явно выигрывая в дипломатическом «перетягивании каната», не собирается идти на реальные компромиссы и продолжает линию на форсированное создание собственного потенциала обогащения урана и наработки плутония². Тегеран, следуя жесткой линии, упорно игнорирует требования резолюций Совета Безопасности ООН 1696, 1737, 1747, 1803 и 1835 – приостановить свою ядерную программу и полностью открыть ее для инспекторов МАГАТЭ – под тем предлогом, что это якобы нарушало бы

право Ирана на осуществление мирной ядерной деятельности.

Иранская дипломатия – особенно на фоне явной растерянности и отсутствия прорывных, конструктивных идей в Вашингтоне – продолжает одерживать одну победу за другой, заявляя о намерении страны продолжать мирную ядерную программу и полной законности своих действий. К 2015 г. в Иране планируется запустить 54 000 центрифуг в Натанзе для обогащения урана.

Видимо, в иранском руководстве твердо уверились в практической невозможности радикальных военных мер со стороны США или Израиля, а тем более, таких силовых акций, которые ликвидировали бы всю ядерную и вообще военную и военно-промышленную инфраструктуру страны (около 400 основных и порядка 25 000 в общей сложности целей), «вбомбив ее в каменный век» и вызвав реальный «шок и трепет» на всем «Большом Ближнем Востоке». Не боятся там, очевидно, и новых, ужесточенных санкций СБ ООН – вроде эмбарго на экспорт в Иран

Международные отношения

высокоочищенных продуктов нефтепереработки или даже полного запрета на торговлю с этой страной. Против этого будут, пусть и неявно, возражать заинтересованные в торговых связях с иранской стороной европейские страны (торговый оборот одной только Германии с Ираном составляет более 5 млрд долларов в год)³.

Несмотря на подогреваемую международными СМИ обеспокоенность по поводу потенциального появления новой неофициальной ракетно-ядерной державы, в регионе, в исламской «умме» и Движении неприсоединения, да и во многих странах мира, включая Россию, не без симпатий наблюдают за тем, как иранцы реализуют свое законное право – по ст. IV Договора о нераспространении ядерного оружия – на развитие мирной ядерной технологии, бросая открытый вызов США и буквально упиваясь неспособностью последних хоть как-то реально повлиять на непокорный и зачастую демонизируемый Тегеран.

Новости о заявленном Тегераном в МАГАТЭ втором подземном заводе по обогащению урана в Фордоу – очередном секретном ядерном центре около города Кум, и, по утверждению президента страны М. Ахмадинежада, – одном из «совершенно законных» объектов, вновь поставили вопрос о наличии в этой стране целого ряда спрятанных от инспекций и незаявленных в МАГАТЭ, то есть незаконных ядерных объектов. Иран таким образом вновь нарушил свои обязательства в Соглашении о гарантиях и Дополнительных соглашениях по информированию МАГАТЭ, которые он взял на себя в соответствии с подписанными еще в 1974 г. Соглашением о гарантиях (INFCIRC/214) и Дополнительных пониманиях к нему от 1976 гг.⁴

Как заявил Президент России Д. А. Медведев, «Мы рассчитываем, что особенно в свете вскрывшихся сведений о строительстве нового обогатительного завода, Иран предоставит убедительные доказательства своего намерения стремиться к развитию ядерной энергетики в сугубо мирных целях». «Иран, как государство, имеет право на собственную мирную ядерную программу, – подчеркнул российский лидер, – но речь идет именно о мирном использовании атомной энергии, а не о создании ядерного оружия. И это наша четкая позиция, которая ничем не отличается от позиций других ответственных стран, в том числе, Соединенных Штатов Америки. ... Тем не менее, – полагает Д. А. Медведев, – если исчерпаны все возможности влияния на ситуацию, можно использовать и международно-правовые санкции». Россия недвусмысленно заявила, что если Иран не выполнит свои обязательства по вывозу урана для обогащения в другие страны, то это повлечет

за собой решительные действия⁵. Таким образом, Москва говорит о контрпродуктивности санкций, но, очевидно, полностью их не исключает.

Определенный оптимизм, казалось бы, должны внушать итоги женевской встречи «шестерки» с Ираном 1 октября с.г., где была достигнута принципиальная договоренность о реализации российско-французской схемы о дообогащении и производстве уранового топлива для Тегеранского исследовательского реактора, якобы вырабатывающего медицинские изотопы. Это, в принципе, шаг в правильном направлении, он свидетельствовал об определенной готовности Ирана к диалогу – однако не решает главной проблемы – будущего иранской ядерной программы, восстановления доверия к исключительно мирному характеру ядерной деятельности. Характерно, что впоследствии Тегеран фактически дезавуировал первоначальное взаимопонимание, вновь перейдя к своей традиционной тактике политического маневрирования и затягивания переговоров.

Многие наблюдатели полагают, что иранское руководство пошло на создание видимости определенных компромиссных подходов перед лицом вновь обозначившегося единства «шестерки» после прихода открытой к диалогу с Тегераном администрации Обамы и принципиальной выраженной готовности российской стороны к санкциям – в ситуации полной неуступчивости Тегерана, а тем более, признаков перехода к отказу от сотрудничества с МАГАТЭ, не говоря уже о создании ядерного оружия. Вместе с тем, Тегеран по-прежнему уклоняется от начала полноценного диалога с США.

Наблюдатели поспешили истолковать слова Д. А. Медведева как какую-то подвижку в российской позиции. Между тем она остается принципиальной и диалектической. Россия выступает за вовлечение Ирана в конструктивный диалог, побуждая его к сотрудничеству с международным сообществом и МАГАТЭ. По ее мнению, пока преждевременно делать выводы о стремлении Ирана к созданию ядерного оружия. В то же время Москва, естественно, не заинтересована в создании у ее южных рубежей новой ракетно-ядерной державы, грозящем появлением нового очага нестабильности в регионе, и уж тем более, в сломе международно-правового режима нераспространения и его основы – Договора о нераспространении ядерного оружия.

По мере того как эйфорические оценки последних лет об отставании иранцев создания собственного ракетно-ядерного потенциала постепенно улечиваются⁶, появляются новые сигналы для опасений относительно темпов и намерений

иранского руководства. Тегеран для восстановления доверия со стороны международного сообщества обязан в течение короткого времени прояснить остающиеся вопросы по его прошлой ядерной деятельности.

Между тем иранскую ядерную проблему надо как-то решать – и причем незамедлительно. Иначе эта страна может пойти по пути Индии, Пакистана или Израиля и стать еще одной ракетно-ядерной державой, что не будет способствовать укреплению региональной и международной стабильности. Вряд ли имеют достаточные основания алармистские опасения, что это вызовет своего рода «теорию домино» – появление целого ряда новых ядерных государств на большом Ближнем Востоке – включая Саудовскую Аравию, Египет и Турцию. США и ведущих западных стран достаточно рычагов влияния, чтобы не допустить такого развития – да и финансовых и научно-технологических ресурсов у этих стран явно недостаточно. А вот с возможным ракетно-ядерным Ираном в Вашингтоне уже готовятся, судя по недавним заявлениям министра обороны Р. Гейтса и помощника президента по вопросам нераспространения и контроля над вооружениями Г. Сеймора, чуть ли не смириться как с фактом⁷.

Иранские разработчики, ракетные системы которых базируются главным образом на северокорейских и переделанных разработчиками из КНДР раннесоветских технологиях, в последние несколько лет достигли впечатляющих успехов и явно превзошли своих азиатских «учителей». За последние 5–7 лет Иран овладел технологиями создания не только жидкостных (ракета «Шехаб» и ее «клоны»), но и твердотопливных двигателей (ракета «Седжил-2» или «Самен») и многоступенчатых ракет (хотя многие эксперты считают, что это просто видоизмененный «Шехаб»). Не оправдались предсказания ряда специалистов (Т. Постол и др.) о том, что возможности у Тегерана по созданию систем большой дальности пока что практически отсутствуют. Следует ожидать, что уже в ближайшее десятилетие иранские специалисты будут в состоянии создать достаточно надежные ракетные комплексы с дальностью у верхней границы ракет радиуса средней дальности (порядка 3 000 км) и вплотную подойдут к испытаниям межконтинентальной баллистической ракеты. Уже сегодня иранские ракетные средства, особенно перспективные системы, способны поражать цели не только на Ближнем Востоке, но и в значительной части континентальной Европы и южных регионов России. Если нынешний темп ракетно-космических программ Ирана сохранится

на сегодняшнем уровне, то уже через десять лет Тегеран будет вполне способен получить собственную ракету промежуточной дальности (3 500–5 000 км), а затем и МБР и современные средства космического запуска на высокие орбиты.

Все это теоретически позволит разработать ракетный баллистический носитель для ядерного боезаряда – если работы по обогащению урана и плутониевой программы будут все же успешными, и иранское руководство, в конце концов, не устоит перед соблазном создания ядерного оружия на основе своего ядерного топливного цикла, а ведущие державы мира окажутся неспособными такое развитие событий предотвратить.

Можно подумать о том, как сохранив престиж Ирана как мощной региональной державы, развивающей собственную ядерную программу, поставить ее под контроль мирового сообщества, при этом ни в коей мере не ущемляя иранские интересы.

Одной из возможностей укрепления международного режима Договора о нераспространении ядерного оружия, находящегося сейчас в весьма критической ситуации, прежде всего из-за неспособности приостановить ядерные программы Ирана и КНДР, являются усилия по формулированию и продвижению развязок в стиле *ad hoc*. Они применялись бы в каждом конкретном случае зафиксированного нарушения Договора – с учетом региональных особенностей и при создании системы гарантий со стороны ведущих держав мира, желательно «освященных» авторитетом СБ ООН. Тегеран был бы вынужден согласиться на беспрецедентную транспарентность в отношении своей ядерной деятельности, возможно, выходящую за рамки условий Дополнительного протокола о гарантиях 1997 г. и похожую на режим, установленный в свое время резолюциями СБ ООН по контролю за невозобновлением саддамовским Ираком работ по созданию ОМУ.

Решением могла бы стать, видимо, постановка всей ядерной деятельности в этих странах под контроль своего рода международных консорциумов, созданных для конкретных случаев обнаружения проблем с соблюдением ДНЯО. В случае с КНДР они могли бы состоять, например, из России, стран ЕС, прежде всего «евротройки» Франции, Великобритании и Германии, а также соседних государств – Китая, Южной Кореи и, возможно, Японии. В случае Ирана – такими гарантами стали бы Россия, ЕС, возможно и США, ряд государств Персидского залива.

Международные отношения

Эти инициативы могли бы основываться, в том числе, и на ранее высказанных инициативах российского лидера В. В. Путина, предложениях бывшего президента США Дж. Буша-мл. на сессии Группы ядерных поставщиков в феврале 2004 г. об отказе от поставки технологий обогащения, а также 2006 г. – о реализации новой программы «Глобальное партнерство в ядерной энергетике» (GNEP). Интересны и идеи бывшего Генерального директора МАГАТЭ М. эль-Барадея – о возможности создания системы международных центров по предоставлению услуг ядерного топливного цикла, включая обогащение, действующей под контролем МАГАТЭ.

В. В. Путин, в свою очередь, заявил тогда, что Россия готова создать на своей территории подобный международный центр. Все возникающие вопросы, по его мнению, можно решить только при условии широкого международного сотрудничества. Как заявил российский лидер, этот проект «мог бы быть рассчитан на длительную перспективу с участием стран, имеющих серьезные, большие запасы уранового сырья». При этом такой центр может быть создан не только в России, но и в других государствах «ядерного клуба» – «при обеспечении недискриминационного доступа всех желающих»⁸.

По словам В. Путина, Россия готова к созданию международного центра, «предоставляющего услуги ядерного топливного цикла, включая обогащение, на недискриминационной основе и под контролем МАГАТЭ». По его мнению, для создания реакторов и топливных циклов нового поколения необходимы технологические нововведения, а это предполагает широкомасштабное сотрудничество на международном уровне⁹.

Идея консорциумов использует идеологию, заложенную в инициативу о создании центров, развивая ее, однако, несколько в ином направлении. Ее ключевым моментом является использование регионального фактора – поскольку в значительной степени ядерные амбиции большинства государств порождаются их восприятием реальных или мнимых военных угроз, отсутствием гарантий безопасности и сохраняющейся нестабильностью в целом ряде районов мира¹⁰.

Такие консорциумы, наделенные широкими правами с делегированием им части национального суверенитета, вплоть до своего рода «протектората» над ядерными программами соответствующих государств, вели бы все работы по ядерной энергетике и исследованиям в проблемных странах. Естественно, в целях соблюдения норм ДНЯО в них не поставлялись бы передовые ядерные технологии (так, в Иране речь бы шла

о контроле над уже ведущимися исследованиями на его же центрифугах ИР-1, ИР-2 и ИР-3). За уступку части национального суверенитета ядерными странами как бы взамен стимулировался бы приток в развивающиеся страны новых технологий и инвестиций в их неядерные сектора экономики. Подобные проекты явились бы гарантией от силовых акций со стороны, например, США, одновременно обеспечивая строгое соблюдение ДНЯО и международных норм нераспространения¹¹.

Наиболее актуальной проблемой, где такой подход может быть применен, безусловно, является иранская ядерная программа – одна из приоритетных тем современной мировой политики. Позитивное решение «иранской проблемы» может стать своего рода примером рассмотрения («case study») новых подходов к решению задач ядерного нераспространения. Ее конструктивное разрешение, помимо всего прочего, в определенной степени будет зависеть от хода развития процесса урегулирования ситуации вокруг ядерной программы Северной Кореи.

Как известно, после обнаружения в 2003 г. секретного пилотного ядерного комплекса в Натанзе Иран возобновил в феврале 2006 г. собственную программу обогащения урана (которая сегодня развивается полным ходом) и отказался от выполнения требований Дополнительного протокола, втайне продолжив, по мнению ряда западных специалистов, разработку военного ядерного потенциала. Президент М. Ахмадинежад неоднократно заявлял, что Иран успешно справился с задачей обогащения урана до высокого уровня. Иранский парламент не раз грозил последовать примеру Северной Кореи и выйти из Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО). Заявления Ирана о полном соответствии его действий положениям ДНЯО, по всей видимости, не оставляют большого выбора приемлемых путей для выхода из явно обозначившейся конфронтации с мировым сообществом.

Теоретически можно спрогнозировать два возможных сценария:

1. США (совместно с союзниками) все же нанесут удар по Ирану, или
2. В соответствии со стремлением «нераспространенческого» лобби будут начаты переговоры, нацеленные на выработку компромиссного решения, реализуемого дипломатическим путем.

Действия Ирана уже давно поставили ведущих политиков Запада в тупик, потребовав от них адекватной политической реакции. По сути, непростая ситуация вокруг Ирана представляет собой нечто большее, чем еще одну попытку распространения ядерного оружия в отдельно взятом

регионе. Ставки в данном случае гораздо выше, нежели пресловутый контроль над ближневосточной нефтью, который многие леволиберальные аналитики склонны объявлять главной мотивацией США на Большом Ближнем Востоке, или же доминирование во всем этом стратегически важном районе мира. Решение иранского ядерного вопроса явится поворотным пунктом в дальнейшем развитии искусства урегулирования международных конфликтов и мирного разрешения споров в интересах международной стабильности.

Несмотря на уверения в единстве подходов к вопросам нераспространения со стороны США и России, их сотрудничество в этой области, в том числе в рамках МАГАТЭ и ООН, а также очевидную заинтересованность России в предотвращении распространения ядерного оружия и баллистических ракет, два государства зачастую придерживаются диаметрально противоположных взглядов на ключевые проблемы нераспространения. С учетом этого становится ясно, что развитие иранского ядерного кризиса сформирует контуры будущего режима нераспространения.

В то время как политика Запада демонстрирует явную неизобретательность, Россия прочно стала ведущим игроком процесса дипломатического разрешения иранского ядерного кризиса, какую бы форму этот процесс ни принял. Без активного участия России Соединенные Штаты рискуют лишиться шанса устранить назревшую угрозу в регионе, а также перспективы фундаментальным образом изменить отношения с Москвой в будущем. С другой стороны, адекватное решение проблемы, при котором будут на компромиссной основе учтены интересы всех участников конфликта, может способствовать радикальному улучшению отношений Москвы с США, по крайней мере, по вопросам борьбы с международным исламистским терроризмом и ракетно-ядерным распространением в мире.

При этом Москва будет следить за тем, чтобы дальнейшие жесткие санкции в соответствии с главой VII Устава ООН, как того добиваются Соединенные Штаты, не применялись бы в дальнейшем.

Как ранее заявлял глава Росатома С. Кириенко, «обогащение урана, осуществляемое Ираном, не является предметом озабоченности России. В этом нет ничего неожиданного»¹². По мнению некоторых российских экспертов по вопросам атомной энергетики, преждевременно говорить о создании в Иране полного ядерного цикла. Российские эксперты подчеркивают, что для его реализации там с гарантированной возможностью нарабатывать топливо для производства ядерной энергии, стране необходимы многие тысячи

центрифуг, работающих в безотказном режиме. Для этой цели требуются соответствующие квалификация, технологии и дорогостоящее высокотехнологичное оборудование. В настоящее время, по мнению российской стороны, иранские атомщики не в состоянии обеспечить производство топлива для атомной электростанции, не говоря о производстве ядерного оружия¹³. Тем не менее, большинство российских экспертов весьма скептически подходит к заявлениям о мирных намерениях, озвучиваемым иранской стороной.

Россия, очевидно, будет продолжать призывать Иран «играть по правилам», соблюдая требования МАГАТЭ и положения ДНЯО – в надежде отдалить наступление неизбежной ситуации, когда Кремлю придется принимать окончательное решение по этой проблеме. В соответствии с таким подходом, Россия должна выстраивать собственное сотрудничество с Ираном по ядерным вопросам с учетом двух основополагающих принципов: во-первых, права Ирана как участника ДНЯО на развитие ядерной энергетики в мирных целях и, во-вторых, получения гарантий со стороны Ирана о том, что он не занимается производством ядерных устройств любого вида в военных целях.

В то же время Россия не намерена нарушать собственные международные обязательства в случае обретения в лице Ирана нового соседа, обладающего ядерным потенциалом. Эта общая цель может быть использована для создания предпосылок нового партнерства США и России. Наблюдатели отмечают попытки Москвы ослабить напряженность вокруг Ирана, несмотря на определенное раздражение его неуступчивостью. В Москве, очевидно, исходят из понимания, что военная кампания против Тегерана нанесла бы ущерб интересам России в регионе. Для преодоления иранского тупика, по мнению Москвы, необходимо предусмотреть что-то более позитивное, нежели санкции или угрозы силовой акции (сегодня весьма невероятной).

За Россией должна быть закреплена особая роль в этом процессе. При этом Вашингтон обязан отнестись к России как к равноправному партнеру, продемонстрировать уважение к постоянно растущему международному авторитету Москвы и к ее курсу на полное возрождение статуса великой мировой державы.

Следование такой линии никоим образом не означает «таскания каштанов из огня» для Вашингтона. Напротив, участие российской стороны необходимо для разрешения серьезного международного кризиса, при этом ей предоставляется шанс существенно повысить собственный мировой

Международные отношения

рейтинг, столь важный для возрождения былой дипломатической влиятельности. В случае такого развития событий Россия, в конечном счете, укрепит статус признанного мирового лидера, ничем не ущемив своих интересов.

За прошедшие пятнадцать лет Россия и Соединенные Штаты убедительно продемонстрировали (особенно благодаря успешной программе Нанна–Лугара по совместному снижению угрозы оружия массового уничтожения), что их двустороннее сотрудничество может стать источником укрепления безопасности для всех. Участие России в урегулировании иранской ядерной проблемы соответствовало бы духу идеи сенатора Р. Лугара, предполагающей расширение сферы сотрудничества и за пределы бывшего СССР на такие страны как Ирак, Иран и даже Китай и Индию, причем России в данном случае будет отведена роль одного из равноправных партнеров.

В этой связи для решения иранской «ядерной головоломки» следовало бы попытаться рассмотреть этот кризис в более широком контексте региональной безопасности – с учетом мотивов, которые стоят за стремлением Тегерана обрести статус ядерной державы.

Москва и Вашингтон – при администрации Б. Обамы – могли бы выступить инициаторами проведения на первоначальном этапе реализации данного многоходового плана международной конференции, посвященной вопросам региональной безопасности в Персидском заливе, под совместной эгидой США, России и ЕС.

Особая ответственность лежит на Соединенных Штатах. Нежелание Вашингтона вести прямой диалог с Ираном в течение длительного времени блокировало международные усилия по поискам дипломатической развязки иранского ядерного узла. Эта инициатива позволила бы американцам не только восстановить реально партнерские отношения с Москвой, но и в определенной мере завязать полномасштабный диалог с тегеранским режимом.

ДНЯО признает «неотъемлемое право» государств-членов на «участие в самом полном обмене оборудованием, материалами, научной и технической информацией» об «использовании ядерной энергии в мирных целях». Более того, все стороны, подписавшие ДНЯО, «берут на себя обязательство способствовать» такому обмену. Это значит, что Иран может на законных основаниях приобретать ядерные реакторы у России и оборудование для обогащения урана у Китая, если им будут соблюдаться остальные положения Договора. Кроме того, нормативными актами МАГАТЭ не запрещается обогащение

урана-235 до 20%, если при этом преследуется цель получения топлива для атомных электростанций.

Есть ли способ сблизить эти столь противоположные интересы?

Первые шаги на пути к дипломатическому решению должны, видимо, предполагать устранение неопределенностей, связанных с иранской ядерной программой, а также предусматривать стимулирование Тегерана к соблюдению гарантий МАГАТЭ. Несмотря на заявления США о наличии у Ирана программы в области ядерного оружия, МАГАТЭ пока что не нашло убедительных доказательств наличия такой программы.

Возможное решение заключалось бы в создании чрезвычайной инспекционной группы, наделенной широким правом доступа в целях расследования деятельности Ирана в ядерной сфере. Такая группа состояла бы из международных специалистов по вопросам, связанным с ядерным топливным циклом и ядерным оружием. Важно, чтобы они лишь дополняли функцию МАГАТЭ, но не заменяли ее, при этом их миссия должна формулироваться в соответствии с Уставом МАГАТЭ, предусматривающим возможность проведения чрезвычайных проверок с целью разрешения вопросов соблюдения норм ДНЯО.

Совет Безопасности наделил бы таких инспекторов полномочиями в соответствии с положениями Главы VI Устава ООН (а именно, его статьи 36) и предоставил бы определенное ограниченное время на проведение оценки. На начальном этапе объем полномочий не предусматривал бы какой-либо ссылки на применение экономических санкций или угрозы использования военной силы. Однако, в случае обнаружения инспекционной группой признаков запрещенной деятельности в ядерной сфере, у Совета Безопасности появились бы более серьезные основания рассматривать возможность санкционного (или даже силового) воздействия.

Что могло бы побудить Иран к сотрудничеству в проведении таких специальных инспекций?

С одной стороны, Иран может стремиться к сохранению неопределенности, благодаря чему его ядерная программа смогла бы выглядеть более впечатляющей, нежели в действительности. Тегеран значительно выиграет, если предоставит МАГАТЭ или международному сообществу возможность проведения более тщательных инспекций. При этом репутация Ирана не пострадает, и новые экономические санкции к нему применены не будут. Есть сигналы о том, что Иран в принципе готов при определенных условиях готов разрешить самые интрузивные инспекции на своих

ядерных объектах и ограничить обогащение ядерных материалов таким образом, чтобы они были бы пригодны для энергетических нужд, но не для целей создания вооружений.

Мировое сообщество и российская дипломатия будут вынуждены вести переговоры на условиях допустимости иранской исследовательской деятельности в ядерной области.

В реализации предложения следует использовать все положительное из опыта деятельности комиссий СБ ООН ЮНСКОМ и ЮНМОВИК, а также попытаться выйти за ограничения, предусмотренные Дополнительным протоколом МАГАТЭ. Если Иран даст согласие на проведение инспекций на любых своих объектах, которые инспекторы признают подозрительными, в ответ международное сообщество позволит Ирану иметь собственную ограниченную программу ядерного обогащения.

Предложение также должно предусматривать возможность непрерывного контроля на месте за выполнением Ираном данной программы. Предлагаемый подход переводит иранский кризис в разряд ситуаций, урегулирование которых лежит в плоскости переговорного процесса, и будет способствовать окончательному устранению спекуляций о возможности вооруженного вмешательства.

Иран можно склонить к принятию такого режима постоянного контроля на местах в обмен на возможность осуществления им ограниченной и подконтрольной программы по обогащению, которая будет сводиться, например, к одному каскаду из 6 000 центрифуг. Естественно, запуск такой программы должен быть отложен до момента, когда будут прояснены все технические вопросы. В результате престиж исламского государства не пострадает. Иран будет вынужден замедлить реализацию своей программы обогащения и предоставить соответствующий доступ специальной инспекционной комиссии для проведения оценки характера своей ядерной программы на основе предоставления исчерпывающей информации.

Данный план нашел многочисленных сторонников среди экспертов, заинтересованных в мирном разрешении иранского ядерного кризиса. Как писал в августе 2006 г. Г. Киссинджер: «Приостановка программы обогащения урана не должна означать свертывания всего процесса. На следующем этапе должна быть создана глобальная система ядерного обогащения, осуществляемого в специально предусматриваемых центрах по всему миру под контролем международного сообщества, по примеру, предложенному Россией для Ирана. Такое положение дел избавило бы Иран от опасной дискриминации и создавало бы конкретный пример

развития атомной энергетики, исключая кризисные ситуации при вступлении в состав участников каждого нового претендента»¹⁴.

В случае согласия представителей США в будущем на проведение Ираном ограниченной программы обогащения, (которую большинство экспертов в настоящее время уже считают свершившимся фактом), создавалась бы международная структура с беспрецедентными контрольными и управленческими полномочиями, к тому же, функционирующая непосредственно в Иране. Был бы образован специальный международный консорциум под эгидой ЕС, России и, возможно, некоторых государств региона в целях реализации исследовательской ядерной программы в Иране на территории этой страны.

В порядке дополнительной инициативы России также следовало бы предложить провести многосторонние переговоры с участием, как минимум, Ирана, новой администрации США, Европейского Союза и, разумеется, России. К ним могут присоединиться Саудовская Аравия и другие государства Персидского залива.

При всей кажущейся идеалистичности подобного решения иранской проблемы, оно, как представляется, существенным образом укрепляло бы режим ДНЯО и практически устраняло на ближайшую перспективу возможность появления новых кандидатов в ядерные «пролиферанты».

Более того, урегулирование иранского «ядерного узла» открывало бы дорогу к практической проработке и дальнейшей реализации комплекса идей об осуществлении ядерного топливного цикла исключительно под международным контролем.

Victor I. Mizin. The Nuclear Problem of Iran: choices possible

The article is tackling one of the most salient issues of the current world politics – the nuclear program of Iran. It states the actual failure of the efforts by the international community to assure a full-scale and unflawed cooperation of this country with the IAEA and the UN Security Council, as well as acknowledges the inability of the G-8 and the «3+3» group on the Iranian nuclear problem to propose feasible effective solutions which could eliminate the worries among experts and politicians regarding the possible circumvention by Iran of the IAEA safeguards and its eventual creation of nuclear weapons' potential. The article suggest creating a kind of international consortium in the territory of Iran which would realize the idea of international nuclear fuel cycle centers as a possible means to prevent such unwarranted developments. This would have put the Iranian nuclear program, so far, parenthetically, fully generally legitimate in terms of the NPT, under a tighter international oversight and would have prevent the emergence of a new nuclear -and missile weapons state in the vicinity of the Russia's southern rim.

Международные отношения

Ключевые слова

Иран, Договор о нераспространении ядерного оружия, международная безопасность, ЕС Россия США, МАГАТЭ, Дополнительный протокол «Шехаб», «Седжил», центрифуга, международный ядерный топливный цикл, ядерные гарантии

Keywords

Iran, the Nuclear Nonproliferation Treaty, international security, the European Union Russia, the USA the IAEA, the Additional, protocol of 1997 «Shehab», «Sejil», a centrifuge, International nuclear cycle, the NPT safeguards

1. *Sadjadpour Karim, Perkovich George.* Iran and Nuclear Security. Q&A, September 25, 2009, <http://www.carnegieendowment.org/publications/index.cfm?fa=view&id=23871&prog=zgp&prij=zme,znpp>.
2. Implementation of the NPT Safeguards Agreement and relevant provisions of Security Council resolutions 1737 (2006), 1747 (2007), (2008), and (2008) in the Islamic Republic of Iran, report by the Director General, International Atomic Energy Agency, August 28, 2009.
3. *Сажин В. И.* Иран: апрель—2009. Экономическая ситуация, <http://www.iimes.ru/rus/stat/2009/28-05-09b.htm>.
4. *Acton James M.* Iran Violated International Obligations on Qom Facility. Carnegie Endowment for International Peace, Proliferation Analysis, September 25, 2009.
5. Стенографический отчет о встрече Д. А. Медведева со студентами и преподавателями Питтсбургского университета 25 сентября 2009 года. <http://www.kremlin.ru/transcripts/5570>.
6. Можно упомянуть в частности вызывающую неоднозначные оценки и во многом политически замотивированную Национальную разведывательную оценку США 2007 г., утверждавшую, что Иран якобы прекратил работы по созданию ядерного оружия осенью 2003 г., или доклад «Института Восток—Запад» под руководством Т. Постола с главным тезисом о достижении иранцами некоего потолка в развитии ракетных программ.
7. *Riedel Bruce, Samore Gary.* Managing Nuclear Proliferation in the Middle East / Restoring the Balance A Middle East Strategy for the Next President.
8. Из ответов Президента РФ В. В. Путина на вопросы журналистов в ходе «большой пресс-конференции» для российских и иностранных СМИ. Москва, 31 января 2006 года, <http://g8russia.ru/news/20060131/1142061.html>.
9. Путин делает заявление о мирном использовании ядерной энергии. 27 января 2006 г., <http://newsfromrussia.com/politics/2006/01/27/71934.html>.
10. *Steinberg Gerald.* Non-Proliferation: Time for Regional Approaches? «Orbis», Vol. 38, № 3, Summer 1994.
11. О возможном создании такого консорциума для Ирана см.: *Ferguson Charles D., Mizin Victor.* Russia can help resolve Iran crisis. Op-Ed, May 22, 2006, «The Baltimore Sun», [http://www.stimson.org/?SN=CT200611161136](http://www.cfr.org/publication/10729/russia_can_help_resolve_iran_crisis.html?breadcrumb=%2Fbios%2F10786%2Fcharles_d_ferguson%3Fgroupby%3D0%26page%3D1%26hide%3D1%26id%3D10786; Mizin Victor and Finlay Brian. Pride or Prejudice: The Interplay of Domestic and Foreign Policy in Russia on the Iranian Nuclear Program, The Stimson Center Cooperative Nonproliferation Program, <a href=); о похожей идее, но без участия России см.: *Forden Geoffrey and Thomson John.* Iran as a Pioneer Case for Multilateral Nuclear Arrangements. MIT, September 5, 2006, <http://web.mit.edu/stgs/pdfs/Iran%20as%20a%20pioneer%20case%20for%20multilateral%20nuclear%20agreements%20v2.pdf>.
12. *Kouri Jim.* Nuclear Iran: Beware of the Russian Bear in the Middle East, «American Chronicle», 13 2006, <http://www.americanchronicle.com/articles/viewArticle.asp?articleID=8071>.
13. Russia: Iran's Mullahs Good News, «Largely a bluff... A fairy tale», http://www.iranian.ws/cgi-bin/iran_news/exec/view.cgi/8/14834.
14. *Kissinger Henry A.* The Next Steps With Iran Negotiations Must Go Beyond the Nuclear Threat to Broader Issues. «Washington Post», July 31, 2006, <http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2006/07/30/AR2006073000546.htm>.